

НАША СТРАНА

SEMANARIO

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Cañilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 23 de febrero de 1952

• Буэнос Айрес, суббота, 23-го февраля 1952 г.

No. 110

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Солидаристы отвечают - Отвечаю солидаристам

(Окончание)

Давайте попробуем все это конкретизировать. Вот, вы, Иван Иванович, в будущей “с в о б о д н о й” России, “свободной” в солидаристском понимании этого слова, организовали авторемонтную мастерскую или завели бакалейный магазин. “Государство”, то есть, в данном случае НТС, будет контролировать все, что бы вы ни делали, привлекая к этому контролю и прокуратуру, в виде какого то варианта “Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности” — “Че-Ка”, или “широкую общественность”, в форме какой то новой “легкой кавалерии”, или ударных бригад по помощи лесозаготовкам. По солидаристской программе пресловутое “качество продукции” будет определять государство. По нормальной человеческой программе качество продукции опеиваю “Я” — но вовсе не как монархист, или солидарист, а просто, как потребитель. Так что повольте уж мне самому — потребителю, — определять соответствуют или не соответствуют моему представлению о качестве продукции солёные огурцы, автомобили и те ботинки, которые в таком изобилии обещает будущим россиянам г. Мамуков. Ленин, тот обещал еще больше. Пока что россияне живут и без автомобилей и даже без сапог. А “борьба за качество продукции”, начатая еще Лениным (“лучше меньше, да лучше”), ведется уже треть века и никаких успехов на этом фронте не видать.

Итак, вы, Иван Иванович, завели бакалейную лавочку. В бочку с солёными огурцами будут совать свой нос и государство и общественность, — и ОГПУ и легкая кавалерия — и оба будут угрожать вам не только материальной, но и личной ответственностью. Что произойдет с вами и с вашей лавочкой, мастерской, фабрикой, заводом, или чем хотите? Ведь, если для всех предприятий НТС предусматривает “государственный и общественный контроль”, то это значит и может значить одно, и только одно: никакая частная инициатива в стране невозможна вовсе. Ибо придет к вам солидаристский активист и будет смотреть: что вы засаливаете, что вы производите, что вы пишете и как вы думаете. Тогда — лучше уж подождать в эмиграции.

“ДЛЯ”

Говоря вообще, программа НТС является невероятной окрошкой — все противоречит всему. Начинается она с глубоко философского исследования

о причине современного кризиса, исследования, написанного для интеллектуальных выдвиженцев. Дальше идут “новейшие” “научные” открытия, на базе которых и построен солидаризм — это: персонализм, дирижизм и оптимализм. Дальше идут обещания нового, на этот раз солидаристического, рая, в котором, по великодушному разрешению Е. Мамукова, вы будете иметь право даже и на канарейку. И все это, в конечном счете, сводится к той же коммунистической программе, изложенной в нескольких иных выражениях. Тут есть все: и охрана лесов, и лесонасаждения, и помощь незамужним матерям, и “раскрепощение женщины”, — решительно все, что двадцать тысяч раз нам всем обещали коммунисты. Обещана и полная свобода всякого творчества, — как известно каждому грамотному читателю, максимальная свобода творчества сейчас существует в СССР. Если не верите, прочитайте любой номер “Правды”. Там же, в “Правде”, сказано, что и Съезды Советов есть выражение такой политической свободы, какой нигде больше в мире не достигнуто. Совершенно такую же свободу нам обещают и солидаристы. На стр. 57 (изд. 1948 г.) в пункте 12 сказано:

“Созыв свободно избранного Народного Собрания Д.Л.Я установления новой конституции на основах национально-трудового солидаризма!”

Мы все, вся эмиграция, за единственным счастливым исключением солидаристов, предполагаем созыв Учредительного Собрания Д.Л.Я установления воли народа. НТС проэктирует учредительное собрание Д.Л.Я установления солидаризма. — Чем не Съезды Советов, которые созываются вовсе не Д.Л.Я выявления воли народа, а Д.Л.Я одобрения политики гениальнейшего?

И еще один маленький пункт, который, впрочем, можно отнести за счет редакционного недосмотра авторов этой фантастической мешанины:

“Имущественные права, которыми пользовались те или иные лица в дореволюционной России, НЕ могут быть источником ни личной, ни функциональной собственности”. (стр. 34, изд. 1948 г.).

Здравствуйтесь! Почти вся крестьянская земля России была собственностью крестьянства до революции. Все крестьянские избы — тоже. Миллионы и миллионы домов и домовишек: в Ветлугах, Ахтырках, Тулах и даже в Москве были дореволюционной частной собственностью, частично признанной даже и большевиками:

в частную собственность были возвращены все здания, не превышавшие по довоенной ценовой оценке суммы в 10.000. Таким образом, девяносто девять процентов всего жилищного фонда страны оказываются принадлежащими ... неизвестно кому. Государству? Партии? Местным самоуправлениям? Сидел на своей земле землероб Сидоров. Теперь он сидит где то в Колыме. В 195? году Сидоров вернется домой, в свой дом, построенный еще при проклятом старом режиме. И какой то солидаристский выдвиженец скажет:

“Нет-с, аттанде-с: ваши имущественные права, которыми вы по отношению к вашей избе и вашему участку пользовались в дореволюционной России, не могут быть источником ни личной, ни функциональной собственности — езжайте-ка вы назад, в Колыму, пока с вами вежливо разговаривают...”

НЕСЕМ ТИРАНАМ СМЕНУ”

Я хотел бы посоветовать новой эмиграции — старой, я думаю, это будет труднее — внимательно перечитать всю программу НТС и всю ее художественную декламацию перевести на язык прозаической практики СССР. Тогда у вас, вероятно, возникнет ряд вопросов, которые я еще раз хочу поставить перед НТС:

1. Если НТС собирается не допустить развития капитализма, ныне в России не существующего в о в с е , то это означает и м о ж е т означать только одно: сохранение ныне существующей хозяйственной системы.

2. Если в с я к о е предприятие в стране подлежит и государственному и общественному контролю, то это означает полное исключение какой бы то ни было частной инициативы.

3. Если за пресловутое качество продукции “ответственный” владелец “несет личную ответственность”, — то это означает, и экономический и физический террор по поводу саботажа и вредительства.

4. Если Учредительное Собрание созывается не для выявления воли народа, а Д.Л.Я голосования “ЗА”, то это означает не Учредительное Собрание а просто — Съезд Советов.

5. Если этот Съезд Советов устанавливает неосталинскую конституцию на основах национально-трудового солидаризма, — то эта “конституция” и означает слияние государства с партией, поглощение партией государства и превраще-

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
СОЛИДАРИСТЫ ОТВЕЧАЮТ —
— ОТВЕЧАЮ СОЛИДАРИСТАМ
(Окончание)

•
Борис Ширяев
ПРОРОК СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

•
Владимир Рудинский
БУДУЩИЕ ПУТИ РОССИИ

•
Проф. М. В. Зызыкин
ГОГОЛЬ И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ
(Продолжение).

•
Борис Башилов
ПРИЗНАНИЯ, КОТОРЫЕ НАДО
ЗАПОМНИТЬ.

•
Lydia Nord
CARTA ABIERTA A
VYSCHINSKY

•
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

•
ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

•
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

ние государственной власти в органде партии.

6. Если никакие дореволюционные имущественные права не могут стать источником никакой собственности, то это означает и может означать только одно: окончательное ограбление крестьянства и от той “приусадебной собственности”, которую ему оставили еще даже и большевики.

В общем, программа НТС есть программа национал-социализма, или национал-коммунизма, или национал-фашизма — точную терминологию тут установить трудно, — эти понятия незаметно переходят одно в другое. Но, во всяком случае:

это есть программа диктатуры одной партии, партии, которая в основном оставляет существующий в СССР хозяйственно-политический порядок, борется против “развития капитализма”, предоставляет народу “полную свободу” голосования “ЗА”.

и “в общем и целом” толкает страну к новой гражданской войне. Я был бы очень благодарен г-ну Е. Мамукову, если бы он оставил в покое мою фантазию и заинтересовался бы моей логикой:

чем, кроме фразеологии хозяйственная и политическая программа солидаристов отличается от того хозяйственно-политического тоталитаризма, который в СССР носит название коммунистиче-

ского строя, а при НТС будет носить название солидаристического.

Я, конечно, понимаю: моими утверждениями солидаристы будут оскорблены в своих самых нежных функциональных чувствах. Но может быть г-н Е. Мамуков разъяснит нам всем, чающим освобождения России не для ее нового закрепощения, и такое недоумение:

НИ ОДНА социалистическая партия мира, в том числе и русские меньшевики, НЕ пробытует такого тоталитарного хозяйственного зажима и контроля над хозяйственной жизнью страны, какой проектируют солидаристы. Даже и меньшевики, и те оставляют полную свободу частной инициативе — за исключением тяжелой промышленности, транспорта и пр. Так что, в этом отношении, — решающем отношении, — солидаристы стоят левее даже и меньшевиков. Так что, может быть, мы с Е. Мамуковым договоримся на такой формулировке:

НТС есть социалистическая партия, стоящая где то в промежутке между меньшевиками и большевиками.

Повторяю еще раз: все это вовсе не касается "национальной" фразеологии солидаристов. Сейчас по части национализма и шовинизма мировые рекорды вранья бьет товарищ Сталин, так что и тут ничего нового. Может быть, несколько новым явится такой вопрос:

для того, чтобы контролировать ВСЕ частные предприятия России, — а крестьянское хозяйство, ведь, тоже является частным предприятием, — для того, чтобы этот контроль осуществлять одновременно и со стороны государства и со стороны общественности — нужно иметь аппарат этого контроля, — около десятка миллионов дармоедов. Этого десятка миллионов эмиграция дать не может. Следовательно, та ставка на советский актив, которую я подчеркиваю все время, является не изъезженным логическим последствием солидаристского, простите за выражение, "мировоззрения". И так же логически неизбежно создаст — во имя классовых интересов этого актива такую же террористически тотальную систему, какая уже создана большевиками.

Стоит ли огород городить: "Несем Тиранам Смерть" — может быть, это можно расшифровать несколько иначе: "Несем Тиранам Смену"?

Ко всему этому можно, впрочем сделать одну оговорку. Партия солидаристов в некотором отношении является исключением из всех остальных партий и организаций мира. Во всех остальных случаях формулируется некая идея, и во имя этой идеи строится организация, — будет ли это Орден Иезуитов, партия социалистов-революционеров или партия монархистов-контрреволюционеров. Во всех этих случаях организация создается во имя идеи. С НТС произошел очень редкий случай: организация ищет идею, организация меняет идею и ищет идею, организация интересуется только потому, что нужно же, наконец, в приличном обществе иметь хоть какую то идею.

Программа 1948 года рассчитана на советский актив — во всем его разнообразии, и программа не при-

емлеманами для какого иного слоя России. Мы можем спорить о самоопределении, республике, монархии и прочем, но в случае с НТС не может быть никаких сомнений: хозяйственно — политическая диктатура НТС может быть навязана стране только вооруженной силой. Ибо это есть программа нового порабощения страны, во имя чисто практических интересов той советской бюрократии, которая надеется, что и при диктатуре НТС она не останется не у дел.

Имеет ли шансы НТС? Говоря по совести, не знаю. В 1917 году я, как и почти все остальные, в том числе и Ленин с Троцким, считали, что у большевиков на долгое время шансов нет никаких: "мы давно уже мертвецы, только нас некому похоронить", говорил Троцкий уже в 1918 году. Мертвецы живут уже 34 года. В нашем сегодняшнем мире может, кажется, случиться все. И с НТС могут случиться довольно разнообразные вещи.

Основной костяк НТС это, конечно, монархисты. Они повторили трюк Младоросской партии — погоню за советской современностью, и, как и младороссы, несколько недооценили того факта, что советская современность имеет два лица — одно активистское, бюрократическое, привилегированное, и другое лицо — вся остальная Россия. Лет пятнадцать тому назад младороссы были сильнейшей организацией Зарубежья, какой сейчас являются солидаристы. (Сейчас от младороссов не осталось вообще ничего. Ни от идеи, ни от вождей, ни от массы — ничего. Самый вероятный ход событий, это раскол НТС на русских монархистов просто и на советских активистов — тоже просто. Монархического знамени старые члены НТС не подняли из чисто тактических соображений: никто не дал бы им ни копейки, а копейки солидаристы получали из самых разнообразных источников, что позволило им создать кадры профессиональных или, по крайней мере, полупрофессиональных "работников партии". Деньги и работники позволили НТС проявить активность, которая процентов на девяносто является чистой хлестаковщиной, но процентов на десять, все таки, реальна.

Сейчас в НТС идет внутренний разброд, сильно заторможенный и наличием и перспективами долларов, или — что в данном случае одно и то же — дальнейшей активности. А дальнейшая активность, при данном финансово-политическом положении вещей, может привести к тому, что программа НТС, — действительно, а не только в моем воображении, повторяющая все основные положения фашизма-коммунизма, — возьмет верх и подымет в России новую гражданскую войну. Вот в этом, и только в этом, заключается реальная, а вовсе не воображаемая, опасность и НТС, и его программы, и его "тенденция развития". Тенденция эта есть все та же тенденция партии-государства, то есть тенденция тоталитаризма. Я не думаю, чтобы даже и Е. Мамукову удалось бы опровергнуть мои выводы об Учредительном Собрании, созданном ДЛЯ того, чтобы гослосовать "ЗА", бороться с развитием капитализма и организовывать "личную ответственность" каждого человека России за качество продукции, или за торговые наценки, или за рациональную эксплуатацию, или за советские или несоветские свободного

Политическая хроника

НА ФРОНТАХ ЭМИГРАТСКОЙ ПОЛИТИКИ

После бесславного окончания попыток создания Российского Политического Центра в Штуттгарте - Висбадене, наступило некоторое затишье. "Великая Пятёрка" перестала существовать, как ядро будущего СОНР-а, но ведется подготовка нового варианта, т. е. "общественного беспартийного представительства".

Происходит некоторая перестановка сил. Группа беспартийных в Мюнхене выпустила воззвание к политической эмиграции с призывом к объединению и под этим воззванием собираются сейчас подписи по Америке. Имена подписавших Мюнхенское воззвание малоизвестны, но за спиной некоторых из них стоят знакомые лица: Б. Николаевского (нью-йоркской Лиги), и отчасти, СБОНР-а.

В "Новом Русском Слове" появляются заметки, направленные к дискредитации участников Штуттгарта и Висбадена, расчищающие путь "общественному беспартийному представительству". Ведется кампания и против А. Керенского, выступившего неосторожно против Дон Левина и против тенденций превратить русских в своего рода нацменьшинство в СОНР-е. Одним из главных инструментов этой кампании является Роман Гуль, редактор "Народной Правды" и член "ИЖ" организации, возглавляемой А. Керенским.

Раскол в организации Керенского представляется неизбежным, при чем, после изгнания "оппортунистов группы Гуля", не исключено будет сближение РНД с группой Мельгунова.

Успех "общественного беспартийного представительства" остается еще под сомнением: публика относится осторожно к каждому новому предприятию, наученная печальным опытом по созданию СОНР-а. Кроме того, если это представительство станет реальностью, мало для кого будет секретом, что за кулисами его будут маячить все те же знакомые фигуры: Далин, Николаевский, Гуль, Яковлев. Иными словами, поскольку об этом можно судить сегодня, это будет объединение левых, оппортунистов и "умеренных" сепаратистов.

АДМИРАЛ КЭРК — ВО ГЛАВЕ АМЕРИКАНСКОГО КОМИТЕТА

Адмирал Алан Г. Кэрк (в отставке) избран Председателем Американского Комитета Освобождения Народов России.

Решение адмирала Кэрка, бывшего посла в Москве, возглавить организацию, предназначенную вести психологическую войну против советской диктатуры — событие чрезвычайного политического значения. Оно, несомненно, вызовет большой интерес во всем мире, особенно в Кремле.

Адмирал Кэрк, избрание которого Председателем Американского Комитета вступает в силу немедленно, сделал следующее заявление:

"Мое пребывание в Советском Союзе подтвердило мое прежнее убеждение, что народы этой страны надо тщательно отличать от советского правительства. Если сталинский режим творчества принципы солидаризма, функционализма, оптимализма, дирижизма и держимордизма во всем его разнообразии.

Иван Солоневич

— наш враг, то порабощенные им в Советском Союзе народы являются нашими друзьями. У них нет причин для вражды к нам и у нас нет причин для вражды к ним. Они являются первыми и наиболее угнетенными жертвами коммунизма, а потому, потенциально, они — первые союзники свободного мира в его борьбе против коммунистической угрозы.

Несмотря на наложенные на иностранных дипломатов ограничения, я имел возможность путешествовать по Советскому Союзу. Это заставило меня полюбить его народы и глубоко чувствовать их долгие страдания. По моему твердому убеждению они, в массе своей, враждебны к кремлевскому режиму, ненавидят его агрессивную политику и жаждут освобождения от большевистского ига.

Поэтому меня очень обрадовало предложение Американского Комитета стать его председателем.

Принимая руководство Американским Комитетом, я хочу выразить мою благодарность моему предшественнику, Юджину Лайонсу, за совершенную им работу. Я принимаю этот пост с большой уверенностью, зная, что Ю. Лайонс останется активным членом Комитета. Меня также особенно ободряет сознание того, что работа Комитета по ту сторону океана будет и далее вестись одним из его наиболее способных и опытных членов, Айзэком Дон Левиным, ветераном американского антикоммунистического движения".

Как указывается в брошюре Комитета, он желает предоставить всю материальную и моральную помощь которую он может собрать, чтобы позволить проживающим сейчас среди нас беженцам от сталинской тирании предпринять практические анти-советские действия. Комитет верит, что беженцы, с американской помощью, должны использовать все возможные средства, чтобы передать правду в Советский Союз и объединить все свободные народы, — как свободные, так и порабощенные — в борьбе против Кремля.

Юджин Лайонс заявил, что Американский Комитет собирается содействовать Политическому Центру эмиграции, когда он будет сформирован, в создании газет, а сейчас ведет подготовку к созданию мощной радиостанции. Передачи этой станции, осуществляемые исключительно эмигрантами, будут говорить правду о дружбе демократических народов свободного мира ко всем порабощенным Сталиным народам и напоминать им о солидарности всех народов против советской тирании.

Американский Комитет будет помогать всем демократическим группам и отдельным лицам эмиграции, которые согласны с тем, что первоочередной задачей является объединенное действие против Сталина, и что будущая политическая структура территорий, включенных сейчас в Советский Союз, может быть решена только на основе самоопределения. Проведение в жизнь этого принципа самоопределения должно ожидать того времени, когда порабощенные народы этих территорий смогут свободно выразить свою волю. ("Н. Р. С.")

Продолжение статьи Б. БАШИЛОВА "МОРЛОКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?" будет помещено в следующем номере.

Борис Ширяев

Пророк своего поколения

“О Дмитрии же Мережковском ведайте, что правда ему не дорога, жива бы была лишь тенденция”.

Эта саркастическая перефразировка приказа Петра Первого войскам перед Полтавским боем ходила по литературным кругам Москвы при появлении первой исторической трилогии Д. Мережковского (Юлиан Отступник — Леонардо да Винчи — Петр и Алексей). Ее приписывали В. О. Ключевскому, что похоже на правду: крупнейший русский историк был великий мастер меткого и едкого афоризма. Тем не менее трилогия создала ее автору широкую известность, выдвинула его в первый ряд литераторов того времени, а как исторического романиста — поставила на первое место. Ею зачитывались, ей верили. На ней воспитывалось “февральское поколение”.

Огромная эрудиция, большой талант и острота проблем, поставленные в ней Д. Мережковским, несомненны, но секрет ее успеха был скрыт не в них. Он заключался в том, что автор исторического романа был вполне созвучен своему читателю, он говорил то, что читатель хотел слышать, он обладал в художественную форму тенденции, господствовавшие тогда в среде российской интеллигенции: первая из них (Юлиан) — бунт против христианства, вторая (Леонардо) — замена этики эстетикой, третья (Петр и Алексей) — поспание национальной России вторжением Запада. Эти тенденции были оформлены Д. Ме-

режковским талантливо, красиво и увлекательно.

Могло ли “февральское поколение” не поднять на щит подобного исторического романиста?

Д. Мережковский действительно, реально жил в своем поколении. Он мыслил вместе с ним, вместе с ним блуждал, искал, творил божков, молился им, закидывал потом их в мусор. С ним вместе он и умер. С момента его физической смерти прошло десять лет, и даже в среде “прогрессивной” эмиграции, в кучке ее обветшалых “февральских” могилок о нем вспоминал лишь один из них — проф. Сперанский (“Р. М.”). В подсоветской России не вспомнил никто, хотя он там не под запретом, имеется в библиотечках и штудируется на литфаках.

Записи и воспоминания жены Д. Мережковского — З. Гиппиус — рисуют нам жалкую картину личной и общественной жизни убежденного врага Русской Монархии, радикально настроенного писателя, члена (бессспорно) высших кругов дореволюционной интеллигенции в ее пореволюционном периоде.

Вот ее основные этапы: бурное ликование, победная пляска на осколках повергнутого Трона Царей в первые месяцы “февральской” эпопеи, постепенно снижающаяся в своем темпе и переходящая в растерянное, жалкое топтанье на месте по мере приближения “октября”; полная растерянность в “октябре”; обескураженность и паника при нескольких выст-

релах с “Авроры”. Далее идет стремительный скат самовлюбленного “пророка” и его супруги, столь же “прогрессивной” поэтессы и литературного критика в самую пошлую обывательщину: напряженная ловля всевозможных слухов, сидя в своей петроградской квартире, и построение на их основе разнообразных гипотез о настроениях русского народа; искренняя и глубокая скорбь о вымененном на муку пианино, всхлипывание обуграченном благополучии... Но “прогрессивная” закваска сильна: при слухах о первых героических актах Каледина и Корнилова вспыхивает застарелая интеллигентская ненависть к “военнице”, “генералу”, “опричнику”... Голод и страх берут свое: чета Мережковских вместе с общим другом, тоже “пророком” Д. Философовым по-заячьи перебегают западную границу РСФСР.

Польша 1920 года принимает их далеко не так, как “союзники” — генерала Власова, или современные демократии — современных Ди-Пи. Свобода, сочувствие, даже почет! Значит, можно опять “поучать”, “призывать”, “обличать”, “ниспровергать”. Мережковский делает несколько публичных докладов, ему вежливо соблазняют... и только. Приходится искать других путей, блокироваться то с Савинковым, то с ген. Глазенапом, метаться в погоне за призраками.

В пароксизме этой агонии своего поколения его “пророк” Д. Мережковский испускает подлинно трагический крик:

— Царство Антихриста!

Вероятно с такою же насыщенностью эмоцией кричат свое последние слово “мама” утопающие в океане, и

матери, как подтверждают факты, слышат их за тысячи верст. В этой статье, обращенной к своей духовной матери — культуре Запада, Д. Мережковский возвышается до подлинно пророческого пафоса, вещая тогда, в 1920 году, о том, что мир видит теперь воочию.

Но тщетно. Мать обращается к сыну своей долларовой спиной:

— Торговать можно и с людоедами... и с Антихристом!

Менцанская драма смененного на мерзлую картошку пианино вырастает в подлинную трагедию Агасфера, проклятой Богом души. Высоко одаренный, талантливый русский “прогрессивный” интеллигент Д. Мережковский мечется в поиске новых божков по идейному хаосу Запада. Куда только не попадает он! От туманного марева “нео-православия” к замулю католической схоластики. От кокетства с престарелым республиканством до распаркивания перед Муссолини с намеками на мессианство фашизма. От буквального мистического обожествления тени Наполеона до земных поклонов перед мощами Паскаля.

Все тщетно. Западно-европейская мать не подпускает к себе своего побочного сына — ни с одной стороны. А “свои”? Да много ли осталось этих поклонников “пророка”, признанно отвергшими свою истинную мать — национальную, исконную русскую Россию?

В центре каждой трагедии лежит конфликт, столкновение борющихся сил. Конфликт творческой и личной трагедии Мережковского идентичен драме всего его “февральского” поколения, всей русской “прогрессивной”

как он в реальности и в 1940 — 41 году: проливы были в руках британского флота и организация с немецкой стороны чего-то вроде позднейшей норвежской операции была, как мне кажется, только смесью из утопии и пропаганды.

Англия, конечно, воевала. Но она воевала за интересы. Мы тоже воевали. Но мы воевали за собственную шкуру. Английские короли эпохи Рюриковичей занимались, в общем, ерундой: феодальными войнами в пределах своего собственного острова и флибустерскими походами в Святую Землю — эти походы были еще почище тех греков, которых Святополк посадил на кол. Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос “быть или не быть”? “Съедят или не съедят”. И даже не столько в смысле “национального суверенитета”, сколько в смысле каждой национальной сныны: при Кончаках времен Рюриковичей, при Батях времен Москвы, при Гитлерах времен коммунизма, социализма и прочих научных систем — дело шло об одном и том же: придет сволочь и заберет в рабство. Причем ни одна последующая сволочь не вынесет никаких уроков из живого и грустного опыта всей предшествующей сволочи. Тысячелетний “прогресс человечества” сказался в этом отношении только в вопросах техники: Кончаки налетали на конях — Гитлеры — на самолетах. Морально политические основы всех этих налетов остались попрежнему на уровне Кончаков и Батыев. Ничего не изменил даже и тот факт, что на идейном вооружении Кончаков и Батыев не было ни Гегеля, ни Маркса.

Мы все знаем о тех степных ордах, которые задолго до образования киевской государственности бродили по просторам теперешней южной России. Они делали невозможным никакое государственное строительство. Это они смели с лица земли германские, венгерские, болгарские и хозарские попытки государственной, а, следовательно, и культурной организации русской территории. От всех предыдущих попыток, киевская отличалась тем и только тем, что остальные не устояли, а она устояла. Отлично, согласитесь сами, довольно существенное...

Почему все остальные не выдержали, а Русь выдержала? Мы могли бы ответить: по той же самой причине, по какой она впоследствии выдержала: татар, турок, поляков, шведов, французов и, наконец, немцев. Но это не будет ответом. Более точ-

Вопрос о том, когда именно на этой равнине возникла русская государственность, вероятно, так и останется без ответа, — да этот ответ и не очень уж интересен. С той точки “познания России”, с которой я здесь рассматриваю нашу историю, важен ответ на вопрос “как”, ибо он, и только он один, может дать нам практические указания: как следует и как не следует строить русскую государственность и дальше. Едва ли мы когда либо найдем ответ и на вопрос о том, когда и откуда появились славянские племена на русской равнине. Сейчас принято считать, что примерно в седьмом веке они спустились с Карпат. Историк готлов Иордан утверждает, что уже в середине четвертого века в состав готского государства входили и какие то славянские племена: *veneti, anti et sloveni*.

Очень важно и это утверждение. Ибо если мы примем общепринятую теорию: славяне кем то прижатые на Карпатах, спустились вниз, на северо-восток, на “ничью землю”, как американские скваттеры — на Дальний Запад САСШ, то исходный пункт нашей истории принимает характер, противоречащий всем ее остальным пунктам: почему, в самом деле, Карпаты были оставлены без боя, а за московский суглинок народ воевал до самых последних своих сил? Если мы примем сообщение Иордана, то придется сказать, что от четвертого до девятого века, то есть, в течение полутысячи лет, на нынешней русской равнине жили, действовали и как то боролись те племена, состав которых так небрежно перечислен Ключевским. И, следовательно, в результате этой пятивековой борьбы, конкуренции, влияния и прочего, то племя или та “доминанта”, которые впоследствии получили прилагательное “русские”, каким то неизвестным нам путем поглотили, растворили, ассимилировали всех их, — для того, чтобы из фантастической смеси этих племен создать что то новое и окончательное. Может быть, именно этой смесью объясняется и то обстоятельство, что, кроме языка, у нас с остальными славянскими народами Европы нет, в сущности, решительно никаких общих черт. Может быть, именно здесь мы можем установить первые проблески того упорства, которое характеризует всю дальнейшую русскую историю: русская “доминанта” пересидела все остальные.

Не забудем того обстоятельства, что русская государственность не была первой на этой территории. До нее была готская.

интеллигенции. В нем противопоставлены русскому внутренне-душевному христианству — блистательный эстетический атеизм, национально-российской государственности — западные графареты, родной исторической правде — воспринятая извне тенденция.

Не имея возможности даже вскользь коснуться в этой статье философских и литературно-критических концепций Д. Мережковского, я останавливаюсь лишь на некоторых явных и характерных для него жертвах исторической правды России во имя обожествленной его поколением тенденции.

Российская Национальная Монархия страстно ненавидима всем "февральским" поколением, ярким выразителем которого является Д. Мережковский. Но он слишком высокий мастер литературы, чтобы метать в нее булыжниками, подобно малограмотному Шишко, или прыскать парфюмерной похабщиной, как это делал соратник и друг "февральского" поколения галантерейный поляк Валишевский.

В своей второй трилогии и примыкающих к ней произведениях Мережковский тонко и умело рисует фальшивые портреты Павла Первого, Александра Первого и Николая Первого, виртуозно компануя фактический материал и умело освещая его так, чтобы положительное ушло в глубокую тень, а отрицательное выперло на первый план. Лянсусы сравнительно редки, но случаются и они. Во имя тенденции все позволено. Так например, в романе "14 декабря" в главе 4-ой он пространно рассказывает о воспоминаниях Николая Первого о бабушке Екатерине Второй и уверяет, что

она приучила его по-спартански спать на жестком тюфаке. Но Николай Павлович рожден в 1796 году, в год смерти Екатерины и не мог ни быть приученным ею к спартанской традиции, ни лично ее помнить. Таких "фактов" у Мережковского порядочно, но они — мелочь; не в них дело. Подмена им исторической правды тенденциозною ложью много глубже и шире. Мастерски оперируя светом и тенью, замалчивая направленные ко благу народа мероприятия Павла Первого, его глубокую, искреннюю религиозность и благородную рыцарственность, он ярко освещает дефекты его вполне понятной в той обстановке нервозности. В результате — трагический паяц, при взгляде на которого волосы встают дыбом. Пользуясь тем же методом, он превращает Александра Первого в заеденного рефлексией Манилова. Николая Первого он, как и все "прогрессисты", ненавидит беспредельно. На "портрете" Мережковского он и трус, и плохой актер, и позер, и фанфарон. Ненависть ослепляет самого автора "портрета" и он, тонкий стилист, не замечает дефектов собственного мастерства. Так, например, он беспрерывно повторяет одни и те же штрихи внешнего образа Николая Первого: "надутые губы", "улыбка, как у человека с большими зубами", и надоедает ими читателю.

Любовно вырисовывая своих идеальных предков — декабристов, Мережковский располагает свет и тень в обратном порядке; оправдывает любовью трусливое дезертирство Трубецкого и даже документально зафиксированное предательство Рылеева превращается у него в жертвенный порыв патриота.

Владимир Рудинский.

Пути будущей России

При всех дискуссиях о сепаратизме различных народностей России, противники единства нашего государства возлагают свои надежды на действие центробежных сил на его окраинах. В ответ им сторонники единства часто не находят ничего лучшего, как уменьшать роль других народов, кроме великоросского в построении России и рассчитывать на их быструю руссификацию. Они не отдают себе при этом отчета в том, что самая идея, будто в государстве все должны говорить одинаковым языком и жить по одинаковым обычаям взята из арсенала французской революции, после которой под маркой "просвещения" в Европе стали свирепствовать

национальное угнетение и насильственная ассимиляция народов, сменяв собою царившую при монархиях терпимость.

Нам кажется, что правильный выход должен бы был быть совсем иным: надо было бы добиться того, чтобы, при бурном развитии всех народов России в национальных формах присущих каждому из них, среди них доминировали бы не центробежные, а центростремительные силы, которые вели бы в их все более тесному сотрудничеству.

Для Российской Империи было бы не выигрышем, а потерей, если бы все населяющие ее племена стали говорить только по русски и копировать

Документы, опубликованные советским Централхивом, исследования декабризма коммунистами профессором Гернегом и М. Н. Нечкиной трудно обвинить в стремлении очернить участников этого бунта, но в их свете тенденциозность Мережковского проступает еще ярче. "Пророк" своего поколения верен основной традиции российского "прогрессизма": правда ему не дорога.

Но есть один аспект, в котором Д. Мережковский может быть назван пророком без кавычек. Не словом своим, но направленностью всего своего многогранного творчества, его зигзагами и метаниями, своей личной жизнью и смертью он предсказал бесславную гибель своего поколения. Не так

же ли метался, фабрика божков, Бердлев? Не в той же ли страшной пустоте растворились огромные таланты Куприна, Блока, Белого и всей плеяды "серебряного века"? Не столь же ли бесславно сходит теперь, на наших глазах в убогую могилу бездомного бродяги так недавно еще гордая и надменная русская "прогрессивная" общественная мысль в лице последних "февралистов"? Избранная ее носителями чужестранная мать оказалась черствой и злобной мачехой, но горькой отравой растекалось по их жилам ее молоко, и путь к материнской родной им пресечен... Мареву тенденции затмило тропу правды.

Борис Ширяев

— "империя", как квалифицируют ее немецкие источники. На эту империю, как и на русскую впоследствии, свалилось с востока монгольское нашествие. В конце четвертого века сюда хлынули гуннские орды, — как и на Русь начала двенадцатого, разгромили готскую империю, как впоследствии и русскую, — но тут параллели кончаются. Готы были увлечены в гуннские походы на Европу. Гибли где то на Каталунской равнине, где римский полководец Аэций разгромил гуннские полчища вдребезги, рассеялись по всей Европе, с тем, чтобы потом появляться на самых разнообразных сценах европейской истории. Ни на одной из них ничего готам не удалось, и в 1778 году какие то люди, претендовавшие на готское происхождение, но говорившие только по-турецки, обратились к Русскому правительству с просьбой о "въездных визах". Им дали и визы и земли. Они основали город Мариуполь и 24 деревни вокруг него. Так замкнулся круг. Готская империя и готские королевства, ост-готы и вест-готы, и потом Мариуполь, и погом вообще ничего.

На место готов и гуннов пришли авары — тюркский народ, который также пытался создать на русской равнине свою государственность. Аваров разгромили болгары, остатки государственности которых удержались у устьев Камы до десятого века. Болгарская государственность охватывала в одно время бассейн Верхней Волги, Приуралья и Башкирию. Болгар разгромили хозары, которым одно время платили дань и приднепровские славяне. Хозары были разгромлены Русью, которой с русской территории уже не удалось выжить никому.

Во всяком случае, Русью правили варяжские князья. Но это ни в коем случае не означало варяжского господства над Русью. Лет семьдесят тому назад, в Российской Империи правил "диктатор сердца" — Лорис Меликов, значило ли это, что над Россией властвовали армяне? И можно ли утверждать, что в лице Сталина над ней господствует Грузия? Или в лице Наполеона — Италия над Францией? В лице Гитлера — Австрия над Германией, или в лице Ганноверской Династии — Германия над Англией?

Одно из возможных объяснений роли варягов в Киевской Руси можно было бы сконструировать так.

ние грамоты считается обязательным для всего духовенства: попов сын, если он грамоты не знает, попадает в "изгой". Двести лет после той же даты (примите во внимание темпы той эпохи) Титмар Мерзбургский насчитывает в Киеве 8 рынков и 400 церквей, а Адам Временский считает Киев соперником Константинополя. Если мы придаем хоть какую-то ценность человеческой культуре, то мы должны признать, что князья в те-таки "управляли", и управляли вовсе не так уж плохо.

Оценивая русскую государственность тех времен, мы, по мере нашей возможности, должны отрешиться от мерок и масштабов сегодняшнего дня. Сегодня, например, нам всем более или менее ясно, что государство, в числе прочих его задач, обязано строить школы. Герберт Уэллс в его "Новом Макнавели" повествует о том, как, лет 70 тому назад, в просвещенной Англии идея государственного школьного образования казалась людям совершеннейшим вздором: школы — это дело общественной инициативы, благотворительности, частной предприимчивости, но никак не государства. С нашей, а также и с английской сегодняшней точки зрения, мы могли бы сказать, что в вопросах государственного школьного строительства Рюриковичи лет на тысячу опередили Англию. Отличие русской формы демократического общественного устройства от англосаксонской заключается главным образом в том, что русская форма, находясь под непрерывной угрозой извне — волей или неволей принуждена была перекладывать огромную часть общественных забот на государственные плечи. Я сейчас не говорю о том, что было технически лучше: государственные железные дороги России или частные железные дороги Америки, Императорские университеты и театры России или частно-предпринимательские театры и частновладельческие университеты Англии. Думаю, что и дороги, и театры в России были лучше, университеты были хуже. Но это не имеет никакого или почти никакого отношения к "форме правления": при истинно феодальном строе Германия имела крупнейших музыкантов мира при самом демократическом — Америка не имела ни одного. Но и Англия и Америка — росли вне всякого давления извне. Против Вильгельма Завоевателя Англия не устояла, а после него — вопрос об "обороне страны" не возникал и н и к о г д а. Может быть не возник

быть великороссов. Это не только уменьшило бы прелесть своеобразия нашей страны, заменив ее серой монотонностью, но и ослабило бы силу экспансии нашей культуры в мировом масштабе и напор ее непрерывного роста и прогресса.

Мы должны воспользоваться опытом царского и советского режимов и, изучив их достижения и их ошибки, найти все причины для недовольства, существовавшие когда либо у отдельных народностей России, и эти причины устранить. Когда окажется налицо факт, что все национальности в пределах нашей Империи будут жить в условиях материального преуспеяния, блестящего культурного расцвета и полной гражданской и политической свободы, когда каждый подданный Русского Царя будет видеть, что это звание дает ему драгоценные права внутри страны и вызывает к нему уважение за ее рубежом — пропаганда сепаратизма не только станет совершенно **безнадежной**, но даже обернется против самих ее авторов.

И тогда, не сделается ли, например, русская Армения центром непреодолимого притяжения для рассеянных по всему свету армян? Не станут ли они стекаться отовсюду, с тем, чтобы принять участие в строительстве своего народа, чтобы внести свою лепту в его культуру и благосостояние? Не будут ли зарубежные армяно там, где они живут компактными массами мечтать о включении их в русское государство?

Все племена, живущие в России будут чувствовать, что их государство столько же принадлежит им, как и русским, будут видеть на каждом шагу достижения, созданные их руками,

улучшения, сделанные по их предложениям, замечать благотворительные результаты обмена знаниями и искусством между всеми нациями Империи. Все они поймут в конце концов, что Россия не есть воплощение индивидуальных и эгоистических стремлений одного народа, а есть грандиозный опыт осуществления на земле идеи справедливости и братского отношения между людьми. И эта цель наверное для всех представится одинаково захватывающей, и никто не захочет быть отстраненным от работы по ее осуществлению.

Россия столь велика и обширна, что вопрос территориального расширения не может представлять для нас большого интереса. Что для нее действительно важно, — и в этой области она, надо сказать, сделала еще гораздо менее, чем следовало бы, — это экспансия русской культуры во всемирном размере. И в этой области перед ней раскрыты интереснейшие возможности.

При полной свободе веры в нашей Империи, что может нам помешать создать в наших азиатских областях университеты с отделами мусульманского и буддистского богословия и права, сравнительного языкознания тюркских и монгольских народов, культуры и истории Азии, равно как и всякого рода утилитарных предметов? В эти университеты потекли бы волны учеников со всех концов Азии, которые, кроме изучения своих специальных предметов, приобретали бы здесь знание русской культуры и заражались бы любовью к ней, что, как мы знаем на опыте, происходит почти со всеми, соприкоснувшимися с ней иностранцами.

При наличии государства, где как равноправные члены будут жить массы тюркских и монгольских племен, идеи пантюркизма и панмонголизма могут оказаться направленными не против России, а в ее пользу... В самом деле, Россия является не только Третьим Римом, не только законным преемником Византии, но и наследницей Золотой Орды; на ее нынешней территории возникали и существовали грандиозные царства Чингизхана и Тамерлана, на ее просторах живут потомки воинов, подчинивших когда себе **пол мира**...

По Европейской России и Сибири раскидано множество мелких финских племен: мордва, черемисы, зыряне, вепсы, остяки, вогулы... Если бы народы, уже получившие из наших рук православную веру и тесно сблизившиеся с русским мышлением и бытом, сплотившись между собою, создали бы свою оригинальную и высокую культуру, — литературу, искусство, науку, — не сделались ли бы они объектом внимания и симпатии для своих финских родственников за рубежом — финнов, эстов, мадьяр? Очевидность говорит, что единственный шанс создать могущественное угрско-финское государство состоит в синтезе финских племен со славянскими и тюркскими, возможном лишь при их объединении с Россией.

Жившие в России немцы, часто становившиеся убежденными русскими патриотами, немало содействовали нашим связям с западным миром. Как мостик к романским народам, мы имеем небольшое количество молдаван... В то же время наш великий русский язык, первый и по числу на нем говорящих и — кто станет отрицать?

— по высоте культуры, им представляемой, среди славянских языков, всегда служил связью со славянами Южной и отчасти Западной Европы, а православие связывало нас, кроме того, еще и с Грецией и с Румынией.

Наша Империя, единственная на свете, половина которой лежит в Европе, а половина в Азии, призвана, быть может, Богом к великой задаче объединения этих двух столь различных миров, призвана к тому, чтобы, взяв лучшее с той и с другой стороны, создать небывалую культуру, достигнуть пределов возможностей человечества. Те страшные испытания, которые мы сейчас переживаем, вероятно, ниспосланы нам, чтобы нас закалить, укрепить и научить. Но каково бы ни было положение сейчас, мы не можем забывать о великом будущем, предстоящем России, и должны понимать, что в борьбе за него мы, русские монархисты, единственные носители истинной идеи, на которых она возлагает огромную ответственность, должны всегда быть впереди всех.

Владимир Рудинский

“НАША СТРАНА” — газета, которую **НАДО ЧИТАТЬ** номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и поступили в продажу
“ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ “НЕ НАСТОЯЩЕГО” СОЦИАЛИЗМА”
Б. БАШИЛОВА.

Цена в Аргентине — 3 песо.

ководец Тилал, заняв в тридцатилетнюю войну германский же город Магдебург, его тридцатитысячное население вырезал до последнего ребенка. Наполеон во время своей египетской экспедиции приказал переколоть штыками двадцать тысяч пленных турок: пороку для расстрела у него не было, а пленных девать ему было некуда. В нашем нынешнем движении “вперед, вперед, рабочий народ”, мы просто возвращаемся к тем способам ведения войны, которые были совершенно общеприняты до эпохи диктатуры кровавого капитализма, и которые почти автоматически возрождаются при замене кровавого капитализма бескровными методами революции. В СССР с пленными немцами и в Германии — с пленными красноармейцами — в XX-м веке поступали не лучше, чем Святополк в десятом — с греками.

М. Покровский пишет:

“Первые русские “государи” были предводителями шаек работоторговцев. Само собою разумеется, что ничем они не “управляли”.

Первые русские “государи” занимались, конечно, также и работоторговлей. Лет восемьсот последних — в царствование Екатерины Второй, ландграф Гессен Кассельский, Фридрих II, продал англичанам для их войны против североамериканцев 19.400 рекрутов, то есть, пять процентов населения своего микроскопического княжества (см. БСЭ т. 16, стр. 5-24) и выручил за эту коммерческую сделку 22 миллиона талеров. В то же время и в той же просвещенной Германии герцог Брауншвейгский продал тем же англичанам четыре дивизии. В своей книге “Россия в Концлагере” я даю некоторый отчет о системе работоторговли, принятой в Советском Союзе. В СССР это есть просто послекапиталистическое возвращение к обычным докапиталистическим методам войны и торговли, суда и в особенности расправы. Все это просто “вперед, вперед, вперед” — к каменному веку...

Киевские князья торговали также и рабами. Но, кроме того, они делали еще и другие вещи: в обмен на меха, воск и рабов ввозили на Русь железо для топоров и грамоту для культуры. Строили валы, засеки и остроги для обороны от печенегов, половцев, хозар и прочих. Строили церкви и города, приглашали монахов и зодчих. Сто лет после “основания Руси” зна-

Киев в то время стоял среди дремучих лесов. Он замыкал собой в сущности весь бассейн Днепра и закрывал лесные области нынешней России. Это был ключевой пункт великого водного пути, складочное место для всего товарооборота, самый южный пункт, дальше которого уже начиналась степь и, следовательно, разбой. Вся область севернее Киева опиралась в торговом отношении на этот великий путь. Какая то торговля шла по этому пути и до варягов: летопись сохранила нам сказание о походе на Цареград Киевского Князя Дира, лет за двадцать до легендарной даты призвания варягов. Но очень легко можно предположить, что чисто лесные племена тогдашнего приднепровья очень плохо справлялись с тогдашней мореходной техникой.

Мы живем в эпоху, когда техника меняет лицо мира примерно каждые двадцать тридцать лет. Нам трудно представить себе ть с я ч е л е т я , в течение которых не было сделано ни одного изобретения. И, вероятно, так же трудно представить себе консервативность тогдашних технических навыков. Вспомним, например, что Рим за всю свою историю так и не справился с техникой мореплавания: его флот обслуживался наемными иностранцами, — главным образом греками. Даже и собственной кавалерии Рим не имел — тоже пользовался наемной. И если какой нибудь Дрегович попадал на Черное Море, то он там никак не мог чувствовать себя, как рыба в воде. Но без Черного Моря и без мореходной техники — весь великий водный путь превращался в тупик. Варяжские специалисты по мореплаванию давали вполне удовлетворительный выход из этого тупика. И тот кооператив народов, который тяготел к великому пути, охотно воспользовался варяжскими услугами. Но командир или капитан морской экспедиции, естественно и автоматически, становится властью, — всеми признаваемой властью во имя интереса всех.

Мне кажется, что в эту гипотезу довольно хорошо укладываются все известные нам исторические факты. В особенности, та психологическая доминанта, которая построила Империю: умение уживаться с людьми.

Мы знаем очень мало о той социалистической стройке, которая развивалась в России в годы двух последних царствований. Одной из разновидностей этой стройки было артельное дви-

Проф. М. В. Зызыкин

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Гоголь и Царская Власть

5

Как метко выражался Пушкин, как понимал он значение великих истин. Но разберем, что такое монарх вообще, как Божий Помазанник, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему богovidцу Моисею. Тот из людей, на рамена которого обрушилась судьба миллионов его сограждан, кто страшился ответственности за них перед Богом, освобожден уже от всякой ответственности и льет, может быть, незримо такие слезы и страдает такими страданиями, о которых и помыслить не умеет стоящий внизу человек. Кто среди самых развлечений слышит вечный неумолкаемо раздающийся клич Божий, неумолкаемо к нему вопиющий, тот может быть уподоблен древнему богovidцу. Но Пушкина остановило еще высшее значение той же власти, которую вымолило у небес немощное бессилие человечества. Вымолило ее кликом не о правосудии небесном, перед которым не устоял бы ни один человек на земле, но кликом о небесной любви Божией, которая бы все умела простить нам: и забвение долга нашего и самый ропот гаш — все, что не прощает на земле человек, что один затем только собрал всю власть в себя самого и отделился от всех нас и стал выше всего на земле, чтобы через то стать

ближе равно ко всем, снисходить с вершины ко всему и внимать всему, начиная от грома небес и лиры поэта до незаметных увеселений наших.

Поэты наши прозревали высшее значение монарха, слыша что он неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает пока чутьем вся земля наша. Все ведет к тому, чтобы вызвать в Государе высшую божескую любовь к людям, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь, Государь приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству и которого прикосновение будет не жестоко его ранам, который один может внести примирение во все сословия и обратить в стройный оркестр государство. Там только исцелится вполне народ, где достигнет монарх высшее значение свое — быть образом Того на земле, **Который Сам есть Любовь.**

В Европе никому не приходило в голову определить высшее значение монарха. Государственные люди, законоискусники и правоведы смотрели на одну его сторону, именно как на высшего чиновника в государстве, поставленного от людей, а потому не знают даже, как быть с этой властью, как ей указать настоящие границы, когда вследствие ежедневно меняющихся обстоятельств бывает нужно то расширить ее пределы, то ограничить ее... Высшее значение монарха

прозрели у нас поэты, а не законоведы. Услышали с трепетом волю Бога создать ее в России в законном виде; оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только из их уст излетает слово Царь. Это слышат у нас и не поэты, потому то страницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла, да обнаружится в России эта власть в полном и совершенном виде. Все события нашей истории, начиная от порабощения татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве, все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя и воздвигнуть в себе самом ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул Царь в своем государстве, чтобы потом, когда загорится уже каждый этой святой бранью и все придет в сознание сил своих, мог бы также один всех впереди с свечкой в руке, устремить как одну душу весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия".

Указав далее на необходимость возвести на трон неизвестного отрока из Дома Романовых, помимо древних мужей доблести, как Пожарский и Трубецкой и князя Рюриковой крови. Гоголь восклицает, как же ты хочешь чтоб лиризм наших поэтов, которые слышали полное определение Царя в книгах Ветхого Завета и которые в то же время так близко видели волю Бога на всех событиях нашего Отечества, как же ты хочешь, чтобы лиризм наших поэтов не был исполнен библейским отголоском. Повторяю, про-

стой любви не стало бы на то, чтобы облечь такую суровую трезвостью их звуки. Для этого потребно полное и твердое утверждение разума, а не одно безотчетное чувство любви. Нет, есть что то крепкое, слишком крепкое у наших поэтов, чего нет у поэтов других наций... Этот лиризм уже ни к чему не может возноситься, как только к одному верховному источнику своему — Богу.

Царственные гимны наших поэтов изумляли самих чужестранцев своим величественным складом и слогом, еще недавно Мицкевич сказал об этом на лекции в Париже и сказал в такое время, когда сам был и раздражен против нас и все в Париже на нас негодовало, несмотря, однако, на то, он объявил торжественно, что в одах и гимнах наших поэтов нет ничего рабского и низкого, но, напротив, свободно-величественно, наши писатели точно заключили в себе черты какой то высшей природы и это можно отнести к самому Гоголю, вся его "Переписка с друзьями" наполнена тем высшим стремлением к благу, стремлением определить христианские обязанности человека на каждой ступени общественной лестницы, включая лицо, занимающее особое положение ввиду представительства им личности Императора. Гоголь был в нашем смысле консерватор без завиральных идей Чацкого — Грибоедова и Онегина — Пушкина, без вольтерьянства и без декабризма, без Чаадаевских мечтаний о том, как потомки на обломках самовластия напишут наши имена.

(Продолжение следует).

Проф. Зызыкин.

жение. Денежная часть этого движения всецело находилась в татарских руках. Русские артельщики зарабатывали очень много, — и заработки хранились у казначей-татарина: так сказать национальное разделение труда. Тайна этого разделения заключалась в том, что татарин водки не пил, и артель не рисковала тем, что ее заработок будет пропит. По той же причине татары захватывали в свои руки "трактирный промысел" России. Никто в Царствование Императора Николая Второго не говорил о татарском засилье в артелях и трактирах и, вероятно, никто на Руси в царствование Олега не говорил о варяжском засилье на Великом Водном Пути.

* * *

По летописным данным, Олег в 15—20 лет сумел сколотить первое Русское Государство, охватывавшее огромную территорию от Новгорода на севере, до Днестра на юге — "империю Рюриковичей", как называет ее Маркс. Если исключить Чингисхана, предпринимавшего по существу чисто разбойные походы, то во всей мировой истории есть только один пример столь же стремительного рождения новой государственности — это империя Александра Македонского. По территории она, впрочем, была меньше Империи Олега, да имела и несколько иную судьбу: после смерти Александра его империя сейчас же распалась в клочки. Империя Олега существует больше тысячи лет. Ее росту не помешали ни княгиня Ольга, которая уже по одному женскому своему происхождению едва ли годилась в полководцы, ни Игорь, который по своей бездарности вовсе никуда не годился. Так, лет восемьсот спустя, избрание на Царство малолетнего Михаила Федоровича никак не помешало консолидации распавшегося смутой Московского Государства в невероятно короткий срок. Шестнадцатилетний Михаил — очевидно, ничем править не мог. Ничем не мог править и Игорь. Из всего этого можно было бы сделать вывод, что и Олег, и Ольга, и Игорь, и Михаил были более или менее не при чем. За ними всеми — их скипетрами или их вывесками — действовали силы, гораздо более мощные, и, что может быть, еще важнее, гораздо более постоянные.

В княжение Олега определилась и еще одна черта рус-

свой государственной стройки. В 907 году Олег занял Константинополь и

К воротам Царграда
Пригвоздил Олегов щит.

Тысячу тридцать три года спустя, товарищ Вячеслав Молотов предъявил товарищу Адольфу Гитлеру требование о передаче Константинополя СССР.

Между Олегом и Молотовым были: Московские Великие Князья с их идеей "Третьего Рима", славянофилы с их "крестом на Св. Софии" и Миллюков с его Дарданеллами — для русского хлеба. Щит, Рим, крест, хлеб, серп и молот — лезунги, как видите, чрезвычайно разнообразные. Но цель — одна и та же. Одна и та же за одинадцать веков. Одиннадцать веков: Киевская Русь, Московское царство, Российская Империя и даже СССР с медленностью геологического процесса, но и с неотвратимостью геологического процесса, двигаются все к одной и той же цели. Что может значить мое или ваше мнение для геологического процесса? Или мнение Гитлера. Или мнение Эттли? Какое дело геологическому процессу до того парламентского большинства, которое, то ли получит, то ли не получит м-р Эттли в результате очередных выборов?

Я очень бы не хотел заслужить упрек в идеализации русской истории. Моя основная мысль сводится к тому, что политическая история мира есть история крови, грязи и зверства. Кровью, грязью и зверством пропитана и наша история. Однако: и крови, и грязи, и зверства у нас было меньше, чем где бы то ни было в других местах земного шара и в других одновременных точках истории. По сказанию византийского летописца Льва Диакона, Святополк прорвавшись к Византии и опустошая ее пригороды, посадил на кол двадцать тысяч, вероятно ни в чем неповинных, людей. Может быть, Лев Диакон и несколько преувеличил: очень легко можно предположить, что по тем временам никто этих людей не считал: если было бы легкомысленно верить статистике XX-го века, то как поверить статистике X-го? Но во всяком случае, такие методы ведения войны были по тем временам само собою разумеющимися. Несколько раньше, римляне в своих африканских войнах делали несколько иначе: пленным перешибали кости голени и людей так и оставляли умирать от голода и солнца. Германский пол-

Борис Башилов

Признания, которые надо запомнить

(ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ НЕНАСТОЯЩЕГО СОЦИАЛИЗМА)

Политические мертвецы из числа нашей революционной, а стало быть и прогрессивной интеллигенции, обычно очень любят отказываться от своего духовного родства с большевизмом. От того факта, что именно они в первую очередь, в результате своей разрушительной работы против национального государства, подготовили большевизм. Известно, что новые эмигранты свирепо ненавидят все разновидности марксизма и все разновидности социализма. И несмотря на все старания, ни Абрамовичу, ни Аронсону, ни П. Берлину, ни другим деятелям меньшевизма не удастся доказать бывшим рабам сталинского “ненастоящего” социализма, что может быть на свете еще и настоящий хороший социализм.

Никогда не удастся, сколько бы они ни старались, доказать, что большевизм есть искаженный и изуродованный марксизм и что не искаженный и не изуродованный марксизм есть вещь столь же приятная и удобоваримая, как сливочный пломбир.

Мы знаем, в итоге тридцатилетней жизни под властью большевизма и тридцатилетних размышлений на тему о том, что такое большевизм, что именно большевизм есть настоящий марксизм, последовательно, бескомпромиссно доведенный до конца. И если меньшевики, например, осуществят полностью свой меньшевизм, а солидаристы свой солидаризм, то они дойдут до тех же самых результатов, как и Сталин. Марксизм во всех его разновидностях есть тоталитарная идеология. И всякая тоталитарная идеология даст точно такие же плоды, как большевизм и национал-социализм. Бывшие рабы Сталина хотят не социализма, а широких социальных реформ. Хотят не недостижимого ра-

венства, а возможной, реальной социальной справедливости.

Враждебное отношение всех новых эмигрантов к марксизму и социализму не дает спокойно спать зарубежным марксистам. Не дает оно спать и марксисту П. Берлину. Несколько времени назад Рафаил Абрамович выступил в защиту несчастного марксизма, будто бы исковерканного и изуродованного большевизмом. Рафаилу Абрамовичу ответил эсер Марк Вишняк. Абрамович считает, что марксисты не должны отвечать за зверства и насилие большевизма. А Марк Вишняк считает, что большевизм как никак, все же марксизм, хоть и неправильный по мнению Абрамовича, но все же марксизм. Возражения М. Вишняка не понравились П. Берлину и П. Берлин опубликовал в “Социалистическом Вестнике” статью под названием “Историческая справка”. Из этой “Исторической справки” мы узнаем интересные вещи. Очень интересные вещи! Когда разрушители национальной России начинают свои партийные дразги, в пылу спора они всегда выбалтывают то, что в спокойном виде никогда не признают.

“Я бы не стал возвращаться к этому вопросу, пишет П. Берлин, если бы статья М. В. Вишняка не укрепляла темное озлобление некоторых (всех, а не некоторых. Б. Б.) новых эмигрантов против марксизма, а с ним и всякого социализма, вывезенное ими из большевистской России, где большевики вот уже больше тридцати лет свирепствуют под маской марксизма”.

И дальше: “Никакие самые реакционные круги за сто лет не дискредитировали в

России марксизм так, как это сделали именуемые себя марксистами большевики”.

Напоминая Марку Вишняку о том, что большевики украли у эсэров их земельную программу, П. Берлин замечает: “...И конечно, ни марксизм, ни эсэры не виноваты в том, что Ленин их искаженными лозунгами сумел увлечь и разжечь народную массу. Или они оба не виноваты, или они оба виноваты.

Но отмечая общность вины или бедь всех партий русской революции, я должен пойти еще дальше. Основные упреки, которые М. Вишняк выдвигает против марксистов и, в частности, Плеханова, это — признание диктатуры пролетариата и слова Плеханова, что может быть такой момент, когда социалистическая партия признает необходимым разогнать избранный народом парламент”.

Дальше П. Берлин делает чрезвычайно интересное признание. “Я должен указать, — пишет он, — что и тут, даже в отношении этих двух обвинений, если уж винить марксистов, то необходимо привлечь к ответственности за большевизм и эсэров, повинных в тех же грехах”.

Мы, грешные, думаем, что в одних у тех же грехах виноваты и марксисты и эсэры. Ведь эсэры только и делали, что подставляли спину большевикам, а в областях, не знавших большевиков, только тем и занимались, что затрудняли всячески борьбу с большевиками.

Затем П. Берлин пишет: “Так что, по мнению вождя эсэров, марксисты повинны не в провозглашении диктатуры, как их обвиняет М. Вишняк, а наоборот, в том, что провозглашают они ее в сравнении с эсэрами слишком вяло, умеренно и без революционного пафоса. И на том же съезде эсер Поморцев поднял тот же вопрос о необходимости диктатуры, которая поставит Учредительное Собрание перед законченным фактом, если это Учредительное Собрание отступит

от линии партии. Я привожу эти красноречивые факты не для защиты промаха марксистов, и не для реставрации марксизма, а для установления исторической перспективы. Если привлекать марксизм к ответственности за большевизм, то надо густо усадить скамью подсудимых всеми русскими политическими партиями и рядом с марксистами они должны будут сесть на эту скамью подсудимых”.

Итак в пылу полемики одного эсэра с одним марксистом выясняется, что Ленин делал то же самое, что хотели делать и другие русские революционные партии, меньшевики, и эсэры. И что диктатуры хотели не только большевики, а и эсэры. И что эсэры тоже считали возможным в любой момент разогнать Учредительное Собрание, если Учредительное Собрание отступит от линии эсэровской партии. Таким образом, Ленин виноват только в том, что он осуществил проекты и меньшевиков и эсэров. Диктатура партии, черный передел, приведший страну к голодовке, все это замыслили не одни большевики. И не к лицу сейчас Абрамовичу и Зензинову изображать одних большевиков бяками. Чем нынешние большевики хуже меньшевиков и эсэров, которым не удалось осуществить то, что сумели осуществить большевики. Зарубежные марксисты и эсэры все время отрицают факт, что они находятся в каком то идейном родстве с большевиками. Оказывается — находится, и об этом пишут сами эсэры и меньшевики. Нельзя не согласиться с П. Берлиным, что если уж привлекать марксизм к ответственности за большевизм, то надо густо усадить скамью подсудимых всеми русскими политическими партиями. Надо бы действительно, усадить. И, может быть, мы еще доживем до той счастливой поры, когда после падения большевиков на одной скамье с главарями большевизма, мы увидим и всех тех, кто подготовлял большевизм.

Б. Башилов.

Глеб Токилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

—Так мы пока на этом проекте и остановимся, — сказал генерал Булакин. —Сегодня вечером я снесусь с центром. Потом сообщу вам. Всего хорошего...

СТЕПКА НА ОТДЫХЕ

В пещере отца Петра Степка чувствовал себя, как более или менее новорожденный ребенок, которого вымыли, одели в чистую рубашонку, накормили и уложили спать. Выпить, впрочем, не дали. Никакие Степкины намеки на его хронически пересохшее горло не производили на отца Петра ровно никакого впечатления:

—Поправисься, — дам выпить, а пока — лежи и молчи.

И лежать, и молчать Степке было очень трудно. Его рана производила на него очень слабое впечатление: степкино тело, по волчьей жилистое, так привыкло ко всякого рода передрягам, и выработало в себе такую степень внутренней сопротивляемости, что сквозная рана в верхушке левого плеча казалась ему не серьез-

нее какого-нибудь ушиба. Кроме того, отец Петр лечил его самым старательным образом, перевязывал, прикладывал примочки из каких то трав, и от времени до времени производил над Степкой манипуляции, которые ввергали Степку в состояние суеверного страха: подкладывал одну руку под степкину поясницу, другую клал ему на лоб, заставлял пристально смотреть на мигающий и трепетный огонек лампы — и Степка погружался в непробудный сон. Но это случалось не часто. Когда же Степка лежал и бодрствовал, его мысли были главным образом, заняты проблемой отца Петра: что ж это такое? То ли святой, то ли колдун, то ли шаман, то ли просто жулик?

О святых у Степки было очень туманное представление и с поведением отца Петра оно не вязалось никак. Степка полагал, что святые должны поститься и молиться — отец Петр не делал ни того, ни другого. Иногда, правда, он подолгу простаивал перед образом Христа, — но не крестился и на колени не становился, — просто —стоял и смотрел! Что же касается

поста, то тут дело обстояло еще хуже: отец Петр ел за двоих и пил, как это, по крайней мере, казалось Степке, за троих, а то и за четверых, не проявляя при этом решительно никаких признаков оьянения. Иногда он почти на целый день исчезал то на охоту, то на рыбную ловлю и приходил нагруженный дичью и рыбой. Иногда к нему приходили мужики и бабы из каких то неведомых Степке заимок и хуторов, — отец Петр при этом как то преобразился, становился степенным и благолепным, совал ругу для пощелуя, давал какие то советы, но не в присутствии Степки: получал сало, масло, яйца, колбасу, хлеб и прочее. Несколько раз к отцу Петру приходили какие то монгольские ламы и с ними отец Петр вел длинные беседы на неизвестном Степке языке. Иногда, отец Петр целыми днями просиживал за какими то книгами и свитками — вероятно, китайскими, по мнению Степки, что то писал, но со Степкой разговаривал и мало, и отрывисто. Вроде: “Не вертись!” “Не болтай!” “Спи!” Степка засыпал как то особенно часто, и где то, в самой его глубине, рос и страх и протест. Он, конечно, не понимал, что от отца Петра к нему протягивается гипнотическая связь, которая крепнет с каждым гипнотическим сеансом. Но что то такое он чувствовал. Степка был человеком вообще весьма

свободолюбивым и предпочитал не иметь над собою никакого закона, кроме закона тайги. Здесь, в пещере, он чувствовал какую то давящую зависимость от отца Петра. И не только потому, что Степка лежал раненый и нуждался в уходе, а как то иначе. Совсем иначе. В Степкину душу закрадывалось глухое недовольство.

Объяснить его Степка, конечно, не мог бы. Отец Петр ухаживал за ним самым внимательным образом и в первые дни лечения почти не уходил из пещеры — был и нянькой, и сиделкой, и врачом, и кухаркой — варил Степке какие то супы и каши, но мяса не давал вовсе. “Поправисься — хоть целого медведя съешь”. Степка поправлялся чрезвычайно быстро. Выходил на площадку перед пещерой, сидел на осеннем солнышке, иногда разговаривал с Лыской, который пасся тут же и за которым отец Петр тоже присматривал. Поправляясь, Степка постепенно стал смелеть. И как то поздним вечером, когда он уныло ел свою кашку, а отец Петр молча пил свою водку, Степка осмелел окончательно.

—Отец Петр, а, отец Петр, — что то в горле пересохни...

—Выпей чаю...

—Да, нет, я не о том. Я о том, что вы, — православный или нет?

Отец Петр поднял свои слегка выпученные глаза.

